

Media Narrative of School Shooting in Russia

Sergey Tkach¹ & Anna V. Zharikova²

Saint Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia

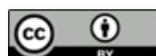
Received: 7 July 2024 | Revised: 20 August 2024 | Accepted: 25 August 2024

Abstract

School shootings, defined as acts of mass armed violence perpetrated within educational institutions, elicit significant media attention. This extensive coverage, however, raises concerns regarding its potential contribution to the “copycat effect”, where subsequent crimes are inspired by media portrayals of previous incidents. Furthermore, media narratives can significantly influence public perceptions of both the victims and the perpetrators involved. This study aims to analyze the narrative of school shooting within four key categories: victim portrayal, perpetrator description, perceived motives, and the act itself. The results reveals a dominant narrative structure that closely follows the chronological sequence of the perpetrator’s actions. This mirroring effect, likely driven by the inherent demands of streaming media formats, results in a construction of victim narratives “through the lens” of the perpetrator. Consequently, information regarding the perpetrators and their actions tends to dominate the media landscape, potentially overshadowing the experiences and perspectives of the victims. These findings carry significant implications for the development of ethical guidelines within journalism and professional standards for reporting on mass gun violence in schools. Moreover, the identified patterns in media narratives could serve as valuable input for developing mathematical models that explore the potential link between media representations of school shootings and the occurrence of copycat crimes.

Keywords

School Shooting; Media Narrative; Narrative Twist; Telegram Channels; Narrative of Violence; Copycat Effect; Streaming News; Humanistic Approach; Columbine; Agenda

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [s.tkach\[at\]spbu.ru](mailto:s.tkach[at]spbu.ru) ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5016-9187>

2 Email: [a.zharikova\[at\]spbu.ru](mailto:a.zharikova[at]spbu.ru) ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6275-5175>

Медийный нарратив скулшутинга в России

Ткач Сергей¹, Жарикова Анна Владимировна²

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия

Рукопись получена: 7 июля 2024 | Пересмотрена: 20 августа 2024 | Принята: 25 августа 2024

Аннотация

Скулшутинг (массовое вооруженное насилие в учебных заведениях) вызывает большой отклик в материалах средств массовой информации. Эти публикации могут участвовать в формировании «эффекта подражателя» для последующих преступлений, а также влияют на общественные представления о скулшутинге и преступнике. Отсюда становится важным понимать, какими языковыми средствами пользуются журналисты при описании событий. Цель исследования заключается в анализе медиа нарратива скулшутинга в России по четырём категориям: описание пострадавших, преступника, его мотивов и деяния. Результаты исследования показывают, что линия нарративного повествования разворачивается вдоль последовательности действий преступника. СМИ стараются идти по пятам скулшутера и описывать каждое его действие. Это происходит из-за сложившихся нарративных приемов стриминговых СМИ. Итогом такого описания событий становится конструирование образа пострадавших «через прицел» преступника и преобладание в информационном поле сюжетов о преступнике и его деяниях. Полученные результаты могут быть полезны для разработки кодексов этики в журналистике и профессиональных гайдлайнов для описания событий массового вооруженного насилия в школах. Также они могут быть полезны для разработки математических моделей, связывающих нарративное своеобразие публикаций о скулшутингах в СМИ и преступлениях подражателей.

Ключевые слова

скулшутинг; медийный нарратив; нарративные поворот; телеграмм-каналы; нарратив насилия; эффект подражателя; стриминговые новости; гуманистический подход; Колумбайн; повестка дня

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons “Attribution”](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) («Атрибуция») 4.0 Всемирная

1 Email: s.tkach@spbu.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5016-9187>

2 Email: a.zharikova@spbu.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6275-5175>

Введение

Под «скулшутингом» понимается «применение вооруженного насилия на территории образовательных организаций, очень часто перерастающего в массовые убийства» (Артамонова & Третьяк, 2022, с. 229). События скулшутинга обретают широкую огласку в материалах средств массовой информации: публикуются подробности совершенного преступления, интервью с родственниками и знакомыми пострадавших и преступника, экспертные оценки работы систем безопасности и профилактики. М. МакКласки пишет, что такие новости обретают собственные стилистические черты, которые меняются под давлением жанровых требований сенсации в пользу большей зрелищности и с обращением к узнаваемым в обществе сюжетам (2016). Это превращает действительно произошедшее событие в художественную копию себя. П. Ситзер рассуждает, может ли такое жанровое оформление привести к росту популярности скулшутинга, и приходит к осторожным утвердительным выводам. Исследователь отмечает, что эмпирических исследований, подтверждающих связь, немного, но они однозначно указывают на существование указанной прямой зависимости (2012). Сам Ситзер в качестве объяснения обращается к эффекту подражателя и полагает, что генезис скулшутинга здесь будет таким же, как и в «эффekte Вертера» — подражательных самоубийствах, эмпирически зафиксированных Д. Филлипсом в его работах. Филлипс полагал, что история, рассказанная в художественном произведении или показанная в медиа, дает «подсказку» для решения сложной сложившейся ситуации (1974). Мы полагаем, что изучение своеобразия оформления новостей о скулшутинге крайне актуально и может быть важным для разработки этических кодексов журналистов. Существует множество работ, исследующих язык описания насильственных преступлений в российских СМИ (Челышева, 2009; Дейнека, Духанина & Максименко, 2020; Горбаткова, 2017; Ерофеева, 2018). Ввиду отсутствия значимого числа таких работ о скулшутинге в российском медианарративе анализ языка публикаций в российских медиа о скулшутинге видится важным. В рамках статьи будет приведена попытка дать описание основных элементов публикаций о скулшутинге: преступника, его деяния и мотивов, пострадавших.

Медийный нарратив насилия

В настоящей статье рассматривается нарратив медиа о скулшутингах, как элемент более общего нарратива медиа о насилии. Разберем подробнее концептуальную модель такого понимания медиа-контента.

Мы понимаем скулшутинг в качестве события, которое может иметь социальные мотивы, а потому может изучаться в социальных науках. Схожих позиций придерживаются Г. Сербина и др. (2021) Эта логика восходит к классике социологии Э. Дюркгейму, который продемонстрировал, что причины,

казалось бы, криминологического / психического события самоубийства лежат в социальной плоскости (1994).

Концепт нарратива в исследованиях медиа приобретает все большее значение. М. Крейсворт называет эту тенденцию нарративным поворотом в общественных науках (1992). Заслуживает внимания социологическая реинтерпретация концепции нарратива, изложенная британским социологом Р. Харре. Исследователь пишет, что нарратив — это выражение ряда инструкций, правил и норм в различных практиках коммуникации, упорядочивания, придания смысла опытам, становления знания; некоторый ряд правил, включающих в себя то, что является согласованным и успешно действующим в рамках определённой культуры (2011). Здесь нарратив наделяется нормативистским измерением — он задает нормы и правила, в соответствии с которыми в определённом обществе принято высказываться и действовать. При этом, замечает Р. Харре, нарратив не следует понимать в качестве онтологической данности. Это, в первую очередь, особая создаваемая матрица правил, которые изменяют само высказывание (и описываемое этим высказыванием событие) так, чтобы оно оказалось успешно интегрировано в существующий социальный контекст (Harre & Secord, 1973).

Б. Смит демонстрирует, что интеграция в нарратив происходит через процесс постепенного усвоения норм и правил социальной группы, проводящей нарратив (1981).

О нормативистском измерении нарратива СМИ пишут и отечественные исследователи. В частности, Е. Ярская-Смирнова и др. в своей работе, проводя сравнительный лингвистический контент-анализ публикаций разных российских СМИ в период первых десятилетий XXI века, указывают, что материалы СМИ формируют рамку для понимания нормальности / справедливости каких-либо событий и их оценок, а также транслируют это знание для широкой общественности (2016).

Три этапа освещения скулшутинга в СМИ

Основная часть работ, посвященных тематике описания скулшутинга в СМИ, принадлежит авторам из США, где произошли больше всего событий массового вооруженного насилия в учебных заведениях (Lankford 2016). В обзорных работах отмечают три основных этапа освещения скулшутингов в СМИ (Böckler, Seeger & Sitzer, 2012). Первый этап связывается с их рассмотрением как локальных событий, без попыток СМИ обнаружить в скулшутингах закономерностей или системных факторов. Второй этап начинается на рубеже 1999-2001 годов, когда скулшутинги начинают связываться СМИ, как пишет Н. Боклер, в серии преступлений с общими структурными причинами (законодательство оборота оружия, общественная атомизация и др.). В этот же период наблюдается рост внимания СМИ и аудитории к проблеме. Последний этап наступает после 2006 года и, возможно, длится до сих пор. Он характеризуется

постепенным падением интереса публики к событиям скулшутингов. Аудитории, при этом, все еще интересно обсуждение структурных общественных проблем (например, упоминаемых выше оборота оружия, общественной атомизации и др.), но это происходит в контексте других тем: международного терроризма, протестов и др. На российском материале таких выводов исследователями пока не было сделано. Во многом это обусловлено относительно недавним появлением феномена. Первый скулшутинг СМИ относят к стрельбе в школе в 2014 году (rbc, 2014). Однако первый массовый скулшутинг (где число пострадавших превышает 10 человек) произошел только в 2018 году. До сегодняшнего дня массовых скулшутингов в новейшей истории России произошло шесть.

Нарратив скулшутинга

При описании события в СМИ мы опирались на 4 основные категории: пострадавшие, преступник, мотивы, деяние. В выборе категорий мы руководствуемся логикой, изложенной А. Баэр (2017). Баэр полагает, что медиа в современных исследованиях необходимо рассматривать как комплексные социотехнологические институты. На содержание их нарратива, отсюда, влияют как технологическая организация медиавещания (стриминг, онлайн-платформы, рассылки и др.), так и социально конструируемые нормы — культура, в которую погружены медиа. На примере анализа социальных движений Баэр показывает, что, начиная с пристального внимания к акторам действий, их мотивам, самому деянию и объекту действия, можно выйти на более широкий контекст нарратива самих медиа, его своеобразия, а также причин, почему этот нарратив сложился именно таким. Баэр акцентирует внимание, что медиа не следует рассматривать исключительно как пассивный инструмент для трансляции информации — они могут играть активную роль в развитии событий, о которых пишут. В рамках данной работы это позволит от описания конкретных сюжетов в новостных постах перейти к более общему нарративу скулшутинга.

Пострадавшие

Материалы СМИ о скулшутинге скорее направлены на освещение истории преступника, нежели пострадавших. Говоря о фотонарративе, Н. Дахмен в своем исследовании показывает, что пострадавшим уделяется от 3 до 15 раз меньше внимания в визуальном языке в сравнении с преступником в относительных значениях (фотографий / человека), однако гораздо больше в абсолютных числах (количество фотографий). Также Дахмен отмечает, что различия в уделяемом внимании пострадавшим может варьировать в зависимости от обстоятельств события. Так, пострадавшим уделяется больше внимания, если мотивы преступника кажутся прессе неясными, или если сцены убийства выглядят особенно шокирующими (2018). Дж. Мойер обращает

внимание, что пострадавших часто изображают через объектив «прицела ружья» — так, как их застал и увидел преступник. Поэтому сюжет описания пострадавших смещается от описания их как личностей к описанию действий, совершенных над ними (2015). Это подтверждается и в работе Дж. Хаудона и др. — исследователи сопоставляют описание пострадавших для двух кейсов — в США и Финляндии. В обоих случаях журналисты уделяли меньше внимания пострадавшим, однако в случае Финляндии даже интервью с пострадавшими были преимущественно направлены на описание действий и личности преступника. Авторы это связывают в том числе с различием в законодательстве, которое в Финляндии ограничивает репортеров в том, что они могли бы рассказать о пострадавших (Hawdon, Oksanen & Räsänen 2012). Для СМИ важными при описании пострадавших оказываются их количество и тяжесть полученных травм. Ж. Шильдкрот с соавторами демонстрируют, что журналисты при освещении новости буквально ориентируются на принцип «больше крови — больше новостей — больше просмотров» (Schildkraut, Elsass, & Meredith, 2018).

Преступник

Шильдкрот пишет, что современные медиа создают очень однородный портрет преступника, опираясь на категории гипермаскулинности и доминирования. Нередко, отмечает исследовательница, такие образы могут быть очень привлекательными для подростков, которые подвергались травле в школе (2012).

Е. Петри с соавторами рассматривают интересные закономерности о характеристиках преступника, которые приводят к росту числа публикаций. В исследовании приводятся данные, что психические расстройства, опыт насилия со стороны окружающих, а также наличие иных ранее совершенных преступлений и правонарушений у преступника приводит к росту внимания со стороны СМИ (Gaudette et al., 2023). Однако Е. Петри и др. полагают, что упоминание о ментальном расстройстве преступника не является рассказом о переживаемых им чувствах, ссылаясь на работу Дж. Фрейлих с коллегами — в этой статье показано, что психические расстройства обычно оказываются в периферии медиа-сообщений. Упоминание о ментальном расстройстве преступника является элементом дополнительного художественного оформления события, апеллирующего к романтизации расстройства (Freilich et al. 2022).

Мотивы

Мотивы совершенного преступления видятся одной из наиболее подробно рассматриваемых категорий в СМИ, о чем пишет Р. Ларкин (2007). «Захватывающий» сюжет претворения мотивов в жизнь, по мнению исследо-

вателя, складывается, с одной стороны, из общественного интереса к пониманию проблем скулшутинга (уже упоминаемых структурных общественных проблем), и, с другой стороны, из притягательного для публики художественного драматизма акта кульминации жизни подростка-преступника в акте насилия. Здесь можно обратиться к образу жизненного пути у Г. Зиммеля. По мнению философа, жизнь обретает смысл, если после смерти человека о самой смерти можно сказать, что все предшествующие события к ней его вели. Другими словами, жизнь обретает форму законченной истории (1996). В случае с мотивами скулшутинга — они излагаются в СМИ, как художественное произведение в трех актах. В первом акте могут присутствовать истории о буллинге в школе, унижениях, эскапизме, проблемах в семье и т.д. Во втором акте журналисты подходят к моменту кульминации: переосмысления преступником своих ценностей и якобы неизбежному выбору скулшутинга, как решения. Третий акт излагает, собственно, события трагедии (Serazio, 2010). Д. Келнер, называет такое изложение фактов, как цельных и «захватывающих» историй, медиа-спектаклем (2012).

Несмотря на то, что большая часть преступников открыто заявляют, что не придерживаются какой-то идеологии, как показывают Дж. Силва и Дж. Капеллан, СМИ склонны отдавать предпочтение в публикациях событиям, в которых преступники называют себя сторонниками какого-то движения или идеологии. Нередко СМИ конструируют идеологию в своих текстах постфактум (2019).

Деяние

Шильдкрот пишет, что со временем описание событий скулшутинга унифицируется, сводясь к нескольким кодам-символам самого преступления. В первую очередь, речь идет об описании оружия и его использовании (2016). О таком смещении в сторону описания действий «оружия» упоминают и другие ведущие авторы в предметной области (Hilaire et al., 2023; Murray, 2017). СМИ детально описывают, как и в каком количестве были произведены выстрелы, о калибре пуль, силе взрывного устройства и причиненных взрывной волной разрушениях. Нередко авторы такое смещение в описании самого события приводят по причине ранее упоминаемого соотнесения отдельного события скулшутинга со структурными общественными процессами. В случае с оружием происходит соотнесение со структурной общественной проблемой правового регулирования оборота оружия среди граждан.

Предметная область исследований нарратива скулшутинга в СМИ представлена большим числом работ, которые освещают тематику с позиций разных теоретических школ: теории спектакля, токсичной маскулинности, моральной паники и др. Однако большая часть таких работ, как было указано ранее, написана зарубежными авторами, и, соответственно, объектом их исследования выступают зарубежные публикации. Большей частью

это издания из США, меньше представлены издания из Канады, Германии, Финляндии. Российское медиа-освещение скулшутинга в настоящий момент в отечественной литературе представлено небольшим числом работ (подробный литературный обзор отечественных работ медиаосвещения скулшутинга приведен у Л. Бaeвой (2024)), а потому заслуживает дальнейшего более детального анализа.

Выборочная совокупность

В качестве выборочной совокупности были отобраны информационные материалы наиболее популярных новостных телеграмм-каналов по данным Медиалогии (на апрель 2024) (Медиалогия, 2024), Таблица 1:

Канал	Название	Аудитория, тыс.
@breakingmash	Mash	2 809,8
@rian_ru	РИА Новости	3 212,6
@readovkanews	Readovka	2 538,5
@bazabazon	Baza	1 504,2
@ostorozhno_novosti	Осторожно, новости	1 585,2
@shot_shot	SHOT	1 094,5

Таблица 1. Новостные издания выборочной совокупности

Table 1. News publications of the sample population

Выбор наиболее популярных изданий обусловлен идеей репрезентации через них информационных фронтиров. Наиболее популярные издания задают новостную повестку и язык описания, к которым потом стараются адаптировать свои тексты издания с меньшей аудиторией. Материалы описывали события новейшей истории России массового вооруженного насилия в учебных заведениях, в которых пострадали не менее десяти человек (Таблица 2). Отбор постов происходил в несколько этапов:

Из выбранных телеграмм-каналов в рамках первого этапа формирования выборочной совокупности были агрегированы все посты за период с 14 января 2018 года по 31 декабря 2022 года (год, когда произошло последнее событие). В рамках второго этапа из всех агрегированных постов были отобраны те, которые были непосредственно посвящены скулшутингу. Для этих целей был использован поиск по ключевым словам и выражениям:

Скулшутинг, Школа № 127, Пермь, Л.В.¹, А.Б., стрельба, погибнуть, школа, техникум, университет, стрелок, выстрел, огонь, дробовик, ружьё, пистолет,

1 В соответствии с международными рекомендациями имена преступников заменены на инициалы для уменьшения их популяризации.

Керченский политехнический колледж, В.Р., Колумбайн², коктейль Молотова, И.Г., Гимназия № 175, Т.Б., Пермский государственный университет, Гимназия во имя преподобного Варлаама Серпуховского, Гимназия Введенского владычного монастыря, Гимназия Введенского монастыря, В.С., самодельное взрывное устройство, А.К., Средняя школа № 88

После фильтрации постов с помощью поиска ключевых слов и выражений дополнительно была произведена ручная фильтрация полученных данных. Всего было агрегировано 340984 поста, из них было отобрано на втором этапе для последующего анализа 323 поста (Таблица 2).

№	Событие	Число пострадавших	Дата события	Число постов в СМИ
1	Нападение на пермскую школу № 127	15	15.01.2018	13
2	Массовое убийство в Керченском политехническом колледже	88	17.10.2018	16
3	Массовое убийство в гимназии № 175	41	11.05.2021	68
4	Массовое убийство в Пермском государственном университете	30	20.09.2021	130
5	Взрыв у гимназии Введенского Владычного монастыря	13	13.12.2021	40
6	Массовое убийство в школе № 88	42	26.09.2022	56

Таблица 2. Отобранные события и посты в выборочной совокупности

Table 2. Selected events and posts in the sample population

Как мы видим из данных таблицы 2, получающаяся картина внимания СМИ к проблеме скулшутинга может напоминать описанную для СМИ в США (три этапа освещения скулшутинга в СМИ). Мы можем предполагать рост интереса СМИ к проблеме в период до конца осени 2021 года. В 2022 году же наступает спад интереса. Однако для более детального доказательства такой динамики необходимо расширение новостных платформ, вовлеченных в анализ. Кроме того, как показывают работы Петри и др., на освещенность событий в СМИ также влияют уникальные для события характеристики — число пострадавших, идеология преступника и др. (Gaudette et al., 2023)

Методология

Анализ выборочной совокупности включал в себя два этапа. В рамках первого этапа были отобраны по одному тексту каждого издания по каждому событию. Некоторые из изданий не вели активно каналы в период ранних событий, поэтому не публиковали статьи об интересующих событиях —

² Организация признана экстремистской и запрещена

для них, соответственно, было отобрано меньше материалов. Далее полученные тексты (Приложение 1) кодировались вручную. В качестве кодов выступали следующие категории, которые должны дать описание самому событию: описание преступника, описание деяния, описание пострадавших, описание мотивов. Единицами кодирования были слова или словосочетания

Из полученных кодов 4 категорий был составлен словарь. Далее была посчитана встречаемость слов в каждой из категорий в постах. Для этого коды и слова в отобранных новостях были приведены к начальной форме: единственному числу, мужскому роду, инфинитиву. Второй этап включал в себя качественное кодирование фрагментов постов, где встречались 10 наиболее популярных кодов первого этапа. Элементами кодирования на втором этапе выступали цитаты. В статье приводятся наиболее типичные цитаты, в которых употребляются самые популярные коды первого этапа.

Результаты и анализ

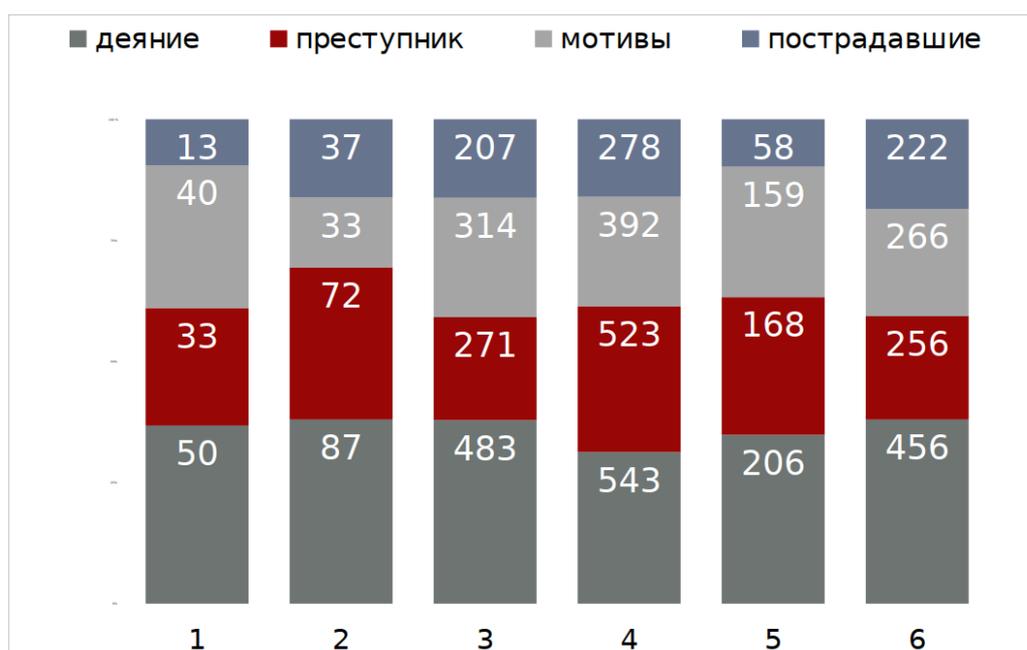

Рисунок 1. Распределение встречаемости кодов, описывающих разные категории в шести анализируемых событиях

Figure 1. Distribution of occurrence of codes describing different categories in the six analyzed events

Полученные результаты распределения категорий в отобранных постах во многом совпадают с изложенными в литературном обзоре (Рисунок 1 – цифрами от 1 до 6 обозначены события в соответствии с нумерацией в таблице 2). В частности, показано, что наименьшее внимание СМИ уделяют

описанию пострадавших (от 10% до 19%). Описанию преступника уделяется заметно больше внимания (от 21% до 31%). Примерно такой же объем внимания уделяется мотивам преступления (14%-29%). Наибольшая же доля в материалах СМИ посвящается описанию самого деяния (31%-38%). Во многом такое внимание к деянию объясняется спецификой выборки — в нее попало достаточно большое число лайв-новостей — новостей, которые описывали происшедшее в реальном времени.

Перейдем к подробному анализу наиболее часто встречаемых категорий по всем событиям (Таблица 3).

Преступник	N	Пострадавшие	N	Мотив	N	Деяние	N
стрельба	184	человек	149	человек	149	стрельба	184
человек	149	погибнуть	131	стать	63	погибнуть	131
стрелка	123	ребёнок	89	мочь	62	ребёнок	89
устроить	55	пострадать	74	жить	54	пострадать	74
ранение	52	класс	65	говорить	36	оружие	74
ранить	47	студент	46	работать	30	устроить	55
студент	46	больница	41	хотеть	23	ранение	52
стрелять	45	ученик	40	жизнь	22	место	50
взрыв	45	несколько	24	мир	18	ранить	47
находиться	44	учительница	22	сеть	16	стрелять	45

Таблица 3. Коды и частота их упоминания (N) по категориям

Table 3. Codes and frequency of their mention (N) by category

Пострадавшие

Нарратив описания пострадавших так же, как и в случае с преступником, построен большей частью вокруг самого события нападения. Издания описывают, что дети пострадали / были ранены / погибли / оказались в больнице. Во многом, как и в случае с преступником, это обусловлено лайв-форматом публикации новостных постов. У репортеров на момент публикации нет времени на идентификацию пострадавших и поиск дополнительной информации о них:

«Шесть человек погибли и 20 пострадали при стрельбе в школе в Ижевске — МВД. Родители приезжают на место трагедии и пытаются найти своих детей» (SHOT)

«Во время стрельбы в ижевской школе №88 один из учеников записал аудио пока прятался в кабинете — слышны звуки выстрелов. Стрелявший пока не задержан» (SHOT)

«! При стрельбе в казанской школе погибли 7 детей и учительница, пострадали 20 человек — сообщили РИА Новости в прессслужбе президента Татарстана» (РИА Новости)

Выбор языка описания не может быть объяснен национальным законодательством о публикации персональных данных пострадавших, как это устроено, например, в Финляндии (Backholm, Moritz, & Björkqvist, 2012) или кодексами журналистской этики. Новости с индивидуальным описанием пострадавших (имя, события из жизни, личные качества со слов знакомых и др.), появляются в СМИ позже. Однако к этому времени интерес к событию постепенно падает, отчего таких новостей немного:

«В Перми хоронят 19-летнюю Катю Шакирову — одну из шести погибших при стрельбе в университете. “Катя была как лучик. Это не просто слова это действительно было так”» (Осторожно, новости)

«Полный список погибших в результате стрельбы в казанской школе [...] Шайхутдинов А. — 14 лет; 4. Гарифуллина А. — 15 лет [...]» (SHOT)

Смещение в большинстве публикаций описания пострадавших к тому, что с ними произошло во время скулшутинга, делает картину описания схожей с таковой для зарубежных публикаций. О пострадавших нам известны примерно те же факты, какие узнал о них преступник через оружейный прицел — кто получил ранение, кто был убит, сколько им приблизительно лет. Однако здесь это видится не намеренным приемом, а следствием лайв-вещания СМИ.

Преступник

Большей частью выбор слов при описании преступника обусловлен спецификой отобранных публикаций. Многие из них освещали событие в реальном времени, потому они, как правило, содержат очень ограниченный объем каких-либо сведений о преступнике. Чаще всего описание самого преступника касается действий, которые он совершает:

«В казанской гимназии произошла стрельба. Сегодня утром молодой человек в черной одежде и маске зашел в здание гимназии №175 на улице Файзи и открыл огонь из автомата. По предварительным данным один человек погиб, еще один получил ранения» (Baza)

В приведенной новости выше изданию даже не известно имя преступника, поэтому Baza пишет о нем, как о «молодом человеке». Также СМИ нередко упоминают преступника в заметках, как «человека, устроившего стрельбу / взрыв», «ранившего...», «получившего ранение» и т.д.:

«Т.Б., устроившего расстрел студентов в Пермском госуниверситете, привезли на коляске [...]» (Baza)

«Дзержинский суд продлил срок ареста Т.Б., устроившему стрельбу в Пермском университете [...]» (Mash)

Так или иначе, основная часть текстов в СМИ опираются при описании преступника на само событие скулшутинга. При этом можно заметить, что в СМИ практически не используются прозвища для преступников, какие можно встретить как в зарубежных публикациях, так и в статьях по иным насильственным преступлениям (Скопинский маньяк и др.). В качестве прозвища ряд СМИ используют выражение «стрелок», однако его невозможно приписать конкретному преступнику:

«Напавший на Пермский университет стрелок Т.Б. скончался» (Baza)

«Так выглядели патроны которые использовал ижевский стрелок – он переделал два своих травмата под боевое оружие[...]» (Readovka)

Также СМИ часто используют нейтральное упоминание относительно основного занятия преступника: «учащийся», «студент», «ученик» и т. п.

«Это предполагаемая предсмертная записка студента, устроившего шутинг в Первом государственном университете[...]» (Осторожно, новости)

Мотивы

СМИ довольно детально рассматривают мотивы преступника через материалы, в которых рассказывается о событиях жизни преступника до скулшутинга. В них стараются обнаружить предпосылки для произошедшего. Нередко источником для таких расследований оказываются интервью с близкими преступника, которые могут брать уже в день преступления:

«Перед атакой на Пермский университет Т.Б. утверждал что он «всегда думал о смерти» и хотел «разрушить всё на своём пути». Однако в обычной жизни он себя, судя по всему, не выдавал. Бывшая девушка Т. рассказала о жизни стрелка, его увлечении оружием, взглядах и в целом доброжелательном характере. Никаких религиозных или идеологических предпочтений у молодого человека не было, за исключением разве что нелюбви к ЛГБТ¹ и феминизму. А в остальном – «смешной был мальчик»» (Baza)

«Одноклассник Т.Б. рассказал о том, каким он был. Стрелок был нелюдим, ещё со школы друзей у него никогда не было [...] На уроках истории когда рассказывали про терроризм и войну всегда этим интересовался Отвечал первым знал больше нас всех [...]» (Readovka)

«Рассказ знакомого В.С. [...] По словам друзей, последнее время Влад считал себя последователем антинатурализма – философского течения которое негативно оценивает возникновение новой жизни [...]» (Baza)

Также СМИ публикуют материалы следственных интервью преступников, где те рассуждают о собственных мотивах:

1 Организация признана экстремистской и запрещена

«Выдержки из допроса И.Г., устроившего массовый расстрел в казанской гимназии. Часть 1. Я замкнутый одинокий человек. Я — бог. Все остальные — мои рабы и считаются биомусором[...]» (SHOT)

«Просто хотел убивать людей. 18-летний В.С. [...] объяснил что побудило его заявиться в приходскую школу с СВУ и мачете [...] Он сказал что у него уже давно появилось желание убивать людей. Не было ни ненависти к религии, ни буллинга, ни обиды на учителей [...]» (SHOT)

Как мы видим, преступники преимущественно указывали, что они не являются последователями какой-то идеологии. Так, В.С. указывал единственным собственным мотивом то, что он «просто хотел убивать». Т.Б. в предсмертной записке указывал, что не относит себя ни к какой идеологии: ни к политической, ни к религиозной. Однако в обоих случаях журналисты утверждают, что преступники придерживались идеологии (антинатализма и анти-ЛГБТ / антифеминизма), что подтверждает излагаемые тезисы Силва и Капеллан (2019).

Деяние

Описание деяния в СМИ, как показано в предыдущих параграфах, оказывается ключевым элементом как для портрета преступника, как и для пострадавших. Нарратив СМИ привязан к конкретным действиям преступника, о которых им стало известно: преступник проник на территорию учебного заведения — получены кадры; преступник активировал взрывное устройство — рассказ очевидца; преступник забаррикадировался — сообщения представителей силовых структур; преступник ликвидирован — заявление МВД и т.д.:

«! Минздрав по уточненным данным при стрельбе в Перми: 6 человек погибли, помощь оказывается 24 пострадавшим» (РИА Новости)

«Первые выстрелы Т.Б.. На подходе к Пермскому государственному университету он открыл огонь по машинам» (Mash)

«Стрелок идёт к зданию Пермского государственного университета с оружием» (Осторожно, новости)

Вокруг такой нарративной линии формируются ответвления. Преступник использовал дробовик — СМИ стараются в первые дни получить информацию о месте покупки оружия. Возвращаясь к теоретическому концепту нарратива как линейного повествования и нормативной рамки, — локомотивом повествования оказываются действия и решения, принимаемые преступником.

Обсуждение

В рассмотренных материалах отечественных СМИ можно обнаружить нарративные формы, появившиеся в результате трансформации индустрии СМИ за последние годы. Речь идет в первую очередь про ускорение работы СМИ и уменьшение задержки между публикуемым материалом и произо-

шедшим событием. Новостной контент становится стриминговым (Özgün & Treske, 2021). При этом в таких лайв-форматах образуются собственные устойчивые паттерны описания событий и приведения журналистской аналитики (Bock, 2012). З. Папаскарizzi и М. де Фатима Оливейра показывают, что для стриминговых СМИ характерно формирование «мгновенной драмы», удержание эмоционального накала аудитории за счет ритмичной подачи зрелищного контента, где изложение событий перемежается с оценками, мнениями и интерпретациями, отчего отделить одного от другого становится очень сложно (2012). Однако в тематике скулшутинга есть и элементы, отличающие ее от нарратива стриминговых СМИ в целом. В примере Папаскарizzi и де Фатима Оливейры объектом являются политические события периода президентства Х. Мубарака, в которых, кроме самого президента, участвовали множество других важных акторов: активисты, политическая элита и т.д. Скулшутинг инкапсулирован публикациями о действиях преступника. Оттого полиритмичность, о которой говорят современные исследователи стриминговых СМИ (Özgün & Treske, 2021; Papacharissi, & de Fatima Oliveira, 2012), заменяется моноритмичностью действий преступника.

Другим элементом оказывается принцип «повестки дня», о котором пишет В. Ачкасова (2012). Современные новости очень недолго находятся в информационной повестке, а потому новостные материалы, которые требуют большого промежутка времени на их создание, видятся менее востребованными.

Резюмируя, можно сделать два основных вывода данного исследования:

- 1) В российских СМИ создается относительно устойчивый нарратив о скулшутинге. Он опирается на технологические и жанровые особенности современных медиа (стриминговый формат; создание драмы в повествовании). Основным двигателем повествования оказывается преступник и совершаемые им действия. Потому аудитория СМИ смотрит на события с позиции самого преступника. Таким образом воспроизводится эффект «взгляда через прицел».
- 2) На повествование также оказывает влияние эффект «повестки дня», из-за чего СМИ очень быстро теряют интерес к пострадавшим и их реабилитации. Совокупно с эффектом «взгляда через прицел» это приводит к «героизации» преступника.

Это порождает проблему, о которой пишут П. Паркс (2020) и С. Уорд (2016) — потребность в развитии гуманистического подхода к освещению новостей. Быстрая стриминговая журналистика бывает нерелексивна к чувствам и эмоциям людей, о которых пишет.

Среди рекомендаций, которые могут быть выделены с опорой на гуманистический подход для рассмотрения и описания событий скулшутинга, можно привести следующие:

1. Расширение числа публикаций, направленных на первичную, вторичную и третичную профилактику преступлений и правонарушений. К ним можно отнести работу с психологическими трудностями подростков, их повседневными проблемами; работу с детьми, уже совершившими преступления или правонарушения, для снижения рисков рецидивов; популяризацию через СМИ служб психологической помощи подросткам, трудовой реабилитации и т. д.
2. Смещение акцента в нарративах СМИ от анализа прошлого преступника к описанию прошлого пострадавших. Это уменьшит эффект «героизации» преступника.
3. Отказ от стримингового освещения действий преступника в пользу более взвешенных, обдуманных публикаций. Если же такой шаг видится СМИ невозможным, то решением может служить замена центрального действующего лица преступника на социальные службы и правоохранительные органы и, соответственно, на описание преимущественно их действий.
4. Важным шагом будет публикация постов о пострадавших через время после произошедшего события.
5. Эффективным также будет шаг, предпринятый в ряде стран, запрещающий публикацию личных данных преступника (имени, места жительства, лица и др.).

Стоит указать ограничения данного исследования. Работа требует дополнений конкретизации выводов через более подробный анализ различных типов новостных заметок: лайв-новостей, аналитических материалов и др. Тенденции, обнаруженные в статье, необходимо конкретизировать из-за небольшого объема новостных изданий, включенных в выборку, и выбор единственной платформы Телеграмм.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 24-28-01563, <https://rscf.ru/project/24-28-01563/>

Список литературы

- Backholm, K., Moritz, M., & Björkqvist, K. (2012). U.S. and Finnish Journalists: A Comparative Study of Roles, Responsibilities, and Emotional Reactions to School Shootings. In G. W. Muschert & J. Sumiala (Eds.), *School Shootings: Mediatized Violence in a Global Age* (Vol. 7, pp. 141–160). Emerald Group Publishing Limited. [https://doi.org/10.1108/S2050-2060\(2012\)0000007011](https://doi.org/10.1108/S2050-2060(2012)0000007011)
- Baer, A. P. (2017). *Muted Groups and Public Discourse: The Web of Sexual Violence and Social Media* [Doctoral Dissertation]. Frostburg State University.

- Bock, M. A. (2012). Newspaper journalism and video: Motion, sound, and new narratives. *New Media & Society*, 14(4), 600–616. <https://doi.org/10.1177/1461444811421650>
- Böckler, N., Seeger, T., & Sitzler, P. (2012). Media Dynamics in School Shootings: A Socialization Theory Perspective. In G. W. Muschert & J. Sumiala (Eds.), *School shootings: Mediatized violence in a global age* (Vol. 7, pp. 25–46). Emerald Group Publishing Limited. [https://doi.org/10.1108/S2050-2060\(2012\)0000007006](https://doi.org/10.1108/S2050-2060(2012)0000007006)
- Dahmen, N. S. (2018). Visually Reporting Mass Shootings: U.S. Newspaper Photographic Coverage of Three Mass School Shootings. *American Behavioral Scientist*, 62(2), 163–180. <https://doi.org/10.1177/0002764218756921>
- Freilich, J. D., Chermak, S. M., Connell, N. M., Klein, B. R., & Greene-Colozzi, E. A. (2022). Using Open-source Data to Better Understand and Respond to American School Shootings: Introducing and Exploring the American School Shooting Study (TASSS). *Journal of School Violence*, 21(2), 93–118. <https://doi.org/10.1080/15388220.2021.1991804>
- Gaudette, T., Petrie, E. S., Chermak, S. M., & Freilich, J. D. (2023). Media Coverage of School Shootings: A Distortion Analysis of Incident and Perpetrator Characteristics. *Crime & Delinquency*, 00111287231211263. <https://doi.org/10.1177/00111287231211263>
- Harre, R., & Secord, P. F. (1973). *The explanation of social behaviour*. Oxford, GB: Blackwell.
- Hawdon, J., Oksanen, A., & Räsänen, P. (2012). Media Coverage and Solidarity after Tragedies: The Reporting of School Shootings in Two Nations. *Comparative Sociology*, 11(6), 845–874. <https://doi.org/10.1163/15691330-12341248>
- Hilaire, B., Campbell, L. O., Kelchner, V. P., Laguardia, E. D., & Howard, C. (2023). Not Another School Shooting: Media, Race, and Gun Violence in K-12 Schools. *Education and Urban Society*, 55(7), 809–824. <https://doi.org/10.1177/00131245221092739>
- Iarskaia-Smirnova, E., Prisyazhnyuk, D., & Kononenko, R. (2016). Representations of inequality and social policy in the Russian Official Press, 2005–2012. *Journal of European Social Policy*, 26(3), 268–280. <https://doi.org/10.1177/0958928716645075>
- Kellner, D. (2012). School shootings, crises of masculinities, and media spectacle: Some critical perspectives. In *School Shootings: Mediatized Violence in a Global Age* (pp. 299–330). Emerald Group Publishing Limited. [https://doi.org/10.1108/S2050-2060\(2012\)0000007018](https://doi.org/10.1108/S2050-2060(2012)0000007018)
- Kreiswirth, M. (1992). Trusting the Tale: The Narrativist Turn in the Human Sciences. *New Literary History*, 23(3), 629–657. <https://doi.org/10.2307/469223>
- Lankford, A. (2016). Public Mass Shooters and Firearms: A Cross-National Study of 171 Countries. *Violence and Victims*, 31(2), 187–199. <https://doi.org/10.1891/0886-6708.VV-D-15-00093>
- Larkin, R. W. (2007). *Comprehending Columbine*. Temple University Press. https://doi.org/10.26530/oapen_626973
- McCluskey, M. (2016). *News framing of school shootings: Journalism and American social problems*. Lexington Books.
- Moyer, J. W. (2015, August 27). Graphic N.Y. Daily News cover on Virginia shooting criticized as 'death porn.' *Washington Post*. <https://www.washingtonpost.com/news/morning-mix/wp/2015/08/27/n-y-daily-news-executed-on-live-tv-cover-criticized-as-death-porn/>
- Murray, J. L. (2017). Mass Media Reporting and Enabling of Mass Shootings. *Cultural Studies Critical Methodologies*, 17(2), 114–124. <https://doi.org/10.1177/1532708616679144>

- Özgün, A., & Treske, A. (2021). On Streaming-Media Platforms, Their Audiences, and Public Life. *Rethinking Marxism*, 33(2), 304–323. <https://doi.org/10.1080/08935696.2021.1893090>
- Papacharissi, Z., & De Fatima Oliveira, M. (2012). Affective News and Networked Publics: The Rhythms of News Storytelling on #Egypt. *Journal of Communication*, 62(2), 266–282. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2012.01630.x>
- Parks, P. (2020). Toward a humanistic turn for a more ethical journalism. *Journalism*, 21(9), 1229–1245. <https://doi.org/10.1177/1464884919894778>
- Phillips, D. P. (1974). The Influence of Suggestion on Suicide: Substantive and Theoretical Implications of the Werther Effect. *American Sociological Review*, 39(3), 340. <https://doi.org/10.2307/2094294>
- Schildkraut, J. (2012). The remote is controlled by the monster: Issues of mediatized violence and school shootings. In *School shootings: Mediatized violence in a global age* (pp. 231–254). Emerald Group Publishing Limited. [https://doi.org/10.1108/S2050-2060\(2012\)0000007015](https://doi.org/10.1108/S2050-2060(2012)0000007015)
- Schildkraut, J. (2016). Mass Murder and the Mass Media: Understanding the Construction of the Social Problem of Mass Shootings in the US. *Journal of Qualitative Criminal Justice & Criminology*. <https://doi.org/10.21428/88de04a1.0e3b7530>
- Schildkraut, J., Elsass, H. J., & Meredith, K. (2018). Mass shootings and the media: Why all events are not created equal. *Journal of Crime and Justice*, 41(3), 223–243. <https://doi.org/10.1080/0735648X.2017.1284689>
- Serazio, M. (2010). Shooting for Fame: Spectacular Youth, Web 2.0 Dystopia, and the Celebrity Anarchy of Generation Mash-Up. *Communication, Culture & Critique*, 3(3), 416–434. <https://doi.org/10.1111/j.1753-9137.2010.01078.x>
- Silva, J. R., & Capellan, J. A. (2019). The media's coverage of mass public shootings in America: Fifty years of newsworthiness. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 43(1), 77–97. <https://doi.org/10.1080/01924036.2018.1437458>
- Sitzer, P. (2012). The Role of Media Content in the Genesis of School Shootings: The Contemporary Discussion. In N. Böckler, T. Seeger, P. Sitzer, & W. Heitmeyer (Eds.), *School shootings: International research, case studies, and concepts for prevention* (pp. 283–307). Springer New York. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-5526-4_13
- Smith, B. H. (1980). Narrative Versions, Narrative Theories. *Critical Inquiry*, 7(1), 213–236. <https://doi.org/10.1086/448097>
- Van Langenhove, L. (Ed.). (2011). *People and Societies* (0 ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203860885>
- Ward, S. J. (2016). Digital journalism ethics. In *The Routledge companion to digital journalism studies* (pp. 35–43). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315713793-4>
- Артамонова, Е. А., & Третьяк, М. И. (2022). Массовое вооруженное убийство в учебных организациях: Возможности противодействия уголовно-правовыми средствами. *Всероссийский криминологический журнал*, 16(2), 229–239. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16\(2\).229-239](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16(2).229-239)
- Ачкасова, В. (2012). Принцип «Повестки дня» как доминанта медийного пространства. *Журнальный ежегодник*, 1, 7–9.
- Баева, Л. В. (2024). Медиатизация склуштинга («колумбайн») в фан-литературе. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(2), 177–204. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.419>

- Дейнека, О. С., Духанина, Л. Н., & Максименко, А. А. (2020). Кибербуллинг и виктимизация: Обзор зарубежных публикаций. *Перспективы науки и образования*, 47(5), 273–292. <https://doi.org/10.32744/pse.2020.5.19>
- Дюркгейм, Э. (1994). *Самоубийство. Социологический этюд*. Мысль.
- Ерофеева, П. А. (2018). «Почти каждой сплетнице есть что вспомнить»: Репрезентации сексуального насилия в цифровых таблоидах. *Журнал исследований социальной политики*, 16(3), 409–424. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-3-409-424>
- Зиммель, Г. (1996). *Избранное*. Т. 2. Созерцание жизни. Юрист.
- Однажды в Москве: Как подросток впервые устроил стрельбу в школе. (2024). РБК. <https://www.rbc.ru/politics/26/12/2014/549a9b939a794710fb26882d>
- Сербина, Г. Н., Мацуга, В. В., & Гойко, В. Л. (2021). Анализ связи психологических характеристик пользователей социальной сети «ВКонтакте» с подписками на сообщества с девиантным контентом. *Вестник Томского государственного университета*, 467, 164–169. <https://doi.org/10.17223/15617793/467/20>
- Чельшева, И. В. (2009). Насилие в современных произведениях медиакультуры. *Медиаобразование*, 4, 98–100.
- Юдина, Д. И., & Рязанцева, А. В. (2024). Анализ публичных дискуссий в социальных медиа как метод изучения социальных проблем. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(1), 100–123. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i1.442>
- Telegram-каналы СМИ: апрель 2024. (2024). *Медиалогия*. <https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/telegram/13086/>

References

- Achkasova, V. (2012). Printsip “Povestki dnya” kak dominantna mediynogo prostranstva. *Zhurnalistskiy ezhegodnik*, 1, 7–9. (In Russian).
- Artamonova, E. A., & Tretyak, M. I. (2022). Mass Murder in Educational Establishments: Opportunities for Using Criminal Law Means of Counteraction. *Russian Journal of Criminology*, 16(2), 229–239. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16\(2\).229-239](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16(2).229-239) (In Russian).
- Backholm, K., Moritz, M., & Björkqvist, K. (2012). U.S. and Finnish Journalists: A Comparative Study of Roles, Responsibilities, and Emotional Reactions to School Shootings. In G. W. Muschert & J. Sumiala (Eds.), *School Shootings: Mediatized Violence in a Global Age* (Vol. 7, pp. 141–160). Emerald Group Publishing Limited. [https://doi.org/10.1108/S2050-2060\(2012\)0000007011](https://doi.org/10.1108/S2050-2060(2012)0000007011)
- Baer, A. P. (2017). *Muted Groups and Public Discourse: The Web of Sexual Violence and Social Media* [Doctoral Dissertation]. Frostburg State University.
- Baeva, L. V. (2024). Mediatization of School Shooting (Columbine) in Fan Literature. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(2), 177–204. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.419> (In Russian).
- Bock, M. A. (2012). Newspaper journalism and video: Motion, sound, and new narratives. *New Media & Society*, 14(4), 600–616. <https://doi.org/10.1177/1461444811421650>
- Böckler, N., Seeger, T., & Sitzer, P. (2012). Media Dynamics in School Shootings: A Socialization Theory Perspective. In G. W. Muschert & J. Sumiala (Eds.), *School shootings: Mediatized violence in a global age* (Vol. 7, pp. 25–46). Emerald Group Publishing Limited. [https://doi.org/10.1108/S2050-2060\(2012\)0000007006](https://doi.org/10.1108/S2050-2060(2012)0000007006)

- Chelysheva, I. V. (2009). Violence in contemporary works of media culture. *Mediaeducation*, 4, 98-100. (In Russian).
- Dahmen, N. S. (2018). Visually Reporting Mass Shootings: U.S. Newspaper Photographic Coverage of Three Mass School Shootings. *American Behavioral Scientist*, 62(2), 163-180. <https://doi.org/10.1177/0002764218756921>
- Deyneka, O. S., Dukhanina, L. N., & Maksimenko, A. A. (2020). Cyberbullying and victimization: A review of foreign publications. *Perspectives of Science and Education*, 47(5), 273-292. <https://doi.org/10.32744/pse.2020.5.19> (In Russian).
- Durkheim, E. (1994). *Suicide. A sociological study*. Mysl. (In Russian).
- Erofeeva, P. A. (2018). 'Every Gossip Girl has Something to Recall': Representations of Sexual Violence in Russian Digital Tabloids. *The Journal of Social Policy Studies*, 16(3), 409-424. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-3-409-424> (In Russian).
- Freilich, J. D., Chermak, S. M., Connell, N. M., Klein, B. R., & Greene-Colozzi, E. A. (2022). Using Open-source Data to Better Understand and Respond to American School Shootings: Introducing and Exploring the American School Shooting Study (TASSS). *Journal of School Violence*, 21(2), 93-118. <https://doi.org/10.1080/15388220.2021.1991804>
- Gaudette, T., Petrie, E. S., Chermak, S. M., & Freilich, J. D. (2023). Media Coverage of School Shootings: A Distortion Analysis of Incident and Perpetrator Characteristics. *Crime & Delinquency*, 00111287231211263. <https://doi.org/10.1177/00111287231211263>
- Harre, R., & Secord, P. F. (1973). *The explanation of social behaviour*. Oxford, GB: Blackwell.
- Hawdon, J., Oksanen, A., & Räsänen, P. (2012). Media Coverage and Solidarity after Tragedies: The Reporting of School Shootings in Two Nations. *Comparative Sociology*, 11(6), 845-874. <https://doi.org/10.1163/15691330-12341248>
- Hilaire, B., Campbell, L. O., Kelchner, V. P., Laguardia, E. D., & Howard, C. (2023). Not Another School Shooting: Media, Race, and Gun Violence in K-12 Schools. *Education and Urban Society*, 55(7), 809-824. <https://doi.org/10.1177/00131245221092739>
- Iarskaia-Smirnova, E., Prisyazhnyuk, D., & Kononenko, R. (2016). Representations of inequality and social policy in the Russian Official Press, 2005-2012. *Journal of European Social Policy*, 26(3), 268-280. <https://doi.org/10.1177/0958928716645075>
- Judina, D. I., & Riazantseva, A. V. (2024). Analysis of Public Discussions in Social Media as a Method for Studying Social Issues. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(1), 100-123. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i1.442> (In Russian).
- Kellner, D. (2012). School shootings, crises of masculinities, and media spectacle: Some critical perspectives. In *School Shootings: Mediatized Violence in a Global Age* (pp. 299-330). Emerald Group Publishing Limited. [https://doi.org/10.1108/S2050-2060\(2012\)0000007018](https://doi.org/10.1108/S2050-2060(2012)0000007018)
- Kreiswirth, M. (1992). Trusting the Tale: The Narrativist Turn in the Human Sciences. *New Literary History*, 23(3), 629-657. <https://doi.org/10.2307/469223>
- Lankford, A. (2016). Public Mass Shooters and Firearms: A Cross-National Study of 171 Countries. *Violence and Victims*, 31(2), 187-199. <https://doi.org/10.1891/0886-6708.VV-D-15-00093>
- Larkin, R. W. (2007). *Comprehending Columbine*. Temple University Press. <https://doi.org/10.26530/open.626973>
- McCluskey, M. (2016). *News framing of school shootings: Journalism and American social problems*. Lexington Books.

- Media Telegram feeds: April 2024. (2024). *Medialogy*.
<https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/telegram/13086/> (In Russian).
- Moyer, J. W. (2015, August 27). Graphic N.Y. Daily News cover on Virginia shooting criticized as 'death porn.' *Washington Post*.
<https://www.washingtonpost.com/news/morning-mix/wp/2015/08/27/n-y-daily-news-executed-on-live-tv-cover-criticized-as-death-porn/>
- Murray, J. L. (2017). Mass Media Reporting and Enabling of Mass Shootings. *Cultural Studies Critical Methodologies*, 17(2), 114–124. <https://doi.org/10.1177/1532708616679144>
- Once Upon a Time in Moscow: How a Teenager First Staged a School Shooting. (2024). RBC.
<https://www.rbc.ru/politics/26/12/2014/549a9b939a794710fb26882d> (In Russian).
- Özgün, A., & Treske, A. (2021). On Streaming-Media Platforms, Their Audiences, and Public Life. *Rethinking Marxism*, 33(2), 304–323. <https://doi.org/10.1080/08935696.2021.1893090>
- Papacharissi, Z., & De Fatima Oliveira, M. (2012). Affective News and Networked Publics: The Rhythms of News Storytelling on #Egypt. *Journal of Communication*, 62(2), 266–282.
<https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2012.01630.x>
- Parks, P. (2020). Toward a humanistic turn for a more ethical journalism. *Journalism*, 21(9), 1229–1245.
<https://doi.org/10.1177/1464884919894778>
- Phillips, D. P. (1974). The Influence of Suggestion on Suicide: Substantive and Theoretical Implications of the Werther Effect. *American Sociological Review*, 39(3), 340.
<https://doi.org/10.2307/2094294>
- Schildkraut, J. (2012). The remote is controlled by the monster: Issues of mediatized violence and school shootings. In *School shootings: Mediatized violence in a global age* (pp. 231–254). Emerald Group Publishing Limited. [https://doi.org/10.1108/S2050-2060\(2012\)0000007015](https://doi.org/10.1108/S2050-2060(2012)0000007015)
- Schildkraut, J. (2016). Mass Murder and the Mass Media: Understanding the Construction of the Social Problem of Mass Shootings in the US. *Journal of Qualitative Criminal Justice & Criminology*.
<https://doi.org/10.21428/88de04a1.0e3b7530>
- Schildkraut, J., Elsass, H. J., & Meredith, K. (2018). Mass shootings and the media: Why all events are not created equal. *Journal of Crime and Justice*, 41(3), 223–243.
<https://doi.org/10.1080/0735648X.2017.1284689>
- Serazio, M. (2010). Shooting for Fame: Spectacular Youth, Web 2.0 Dystopia, and the Celebrity Anarchy of Generation Mash-Up. *Communication, Culture & Critique*, 3(3), 416–434.
<https://doi.org/10.1111/j.1753-9137.2010.01078.x>
- Serbina, G. N., Matsuta, V. V., & Goyko, V. L. (2021). Analysis of the Relationship Between VK Users' Psychological Characteristics and Subscriptions to Communities With Deviant Content. *Tomsk State University Journal*, 467, 164–169. <https://doi.org/10.17223/15617793/467/20> (In Russian).
- Silva, J. R., & Capellan, J. A. (2019). The media's coverage of mass public shootings in America: Fifty years of newsworthiness. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 43(1), 77–97. <https://doi.org/10.1080/01924036.2018.1437458>
- Simmel, G. (1996). *Favorites*. Vol. 2. *Contemplation of life*. Yurist. (In Russian).
- Sitzer, P. (2012). The Role of Media Content in the Genesis of School Shootings: The Contemporary Discussion. In N. Böckler, T. Seeger, P. Sitzer, & W. Heitmeyer (Eds.), *School shootings: International research, case studies, and concepts for prevention* (pp. 283–307). Springer New York.
https://doi.org/10.1007/978-1-4614-5526-4_13

- Smith, B. H. (1980). Narrative Versions, Narrative Theories. *Critical Inquiry*, 7(1), 213–236.
<https://doi.org/10.1086/448097>
- Van Langenhove, L. (Ed.). (2011). *People and Societies* (0 ed.). Routledge.
<https://doi.org/10.4324/9780203860885>
- Ward, S. J. (2016). Digital journalism ethics. In *The Routledge companion to digital journalism studies* (pp. 35–43). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315713793-4>